

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 18

«ОБЩИЙ ДВОР»

Александра Венглинская

Сезон 18 · материалы № 200–211 из 233 · цикл II

СОДЕРЖАНИЕ

1. Телефонограмма, в которой власть сменила хозяина
2. Двадцать первого — не вводить. Тридцать первого — вводить
3. Войска вошли в августе. Формулу напечатали в сентябре
4. Десятого декабря решили не вводить
5. Дорогу вернули безвозмездно. Порт — следом
6. Восемнадцатого июля отзывали всех
7. Восьмого марта вспомнили Айгун
8. Второго марта погибли тридцать два
9. Нефть внутри двора стоила половину мировой
10. Главнокомандующий всегда был советским
11. Седьмого июля записали: не вмешиваться
12. Китай нормализовали. Двор распустили

Телефонограмма, в которой власть сменила хозяина

№ в серии: 200 из 233 · № в сезоне: 1 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: I «Граница суверенитета» · Дзен: 17.10.2027 · ЖЖ: 17.10.2027 · Заставка: s18_01.png · Теги: Историческая Россия, ГДР, 17 июня 1953 года, Берлин, Иван Фадейкин, Владимир Семёнов, Андрей Гречко

Семнадцатого июня тысяча девятьсот пятьдесят третьего года уполномоченный МВД СССР в Германии полковник Иван Фадейкин передал в Москву телефонограмму.

Демонстранты ворвались в здание ЦК СЕПГ. Верховный комиссар СССР Владимир Семёнов, согласовав решение с Отто Гротеволем, Вальтером Ульбрихтом и другими членами Политбюро СЕПГ, передал власть командованию советских войск.

Документ занимает несколько строк. В них — вся исходная конструкция советского внешнего контура.

Правительство ГДР существовало. Германские партийные и полицейские органы действовали.

Но в момент, когда местная система перестала удерживать положение, крайняя государственная функция перешла не другому немецкому органу, а советскому военному командованию.

С этого начинается сезон. Не с ярлыка «империя» или «дружба народов», а с вопроса о функциях: кто обеспечивал безопасность общего пространства, кто платил за неё, кто обладал правом последнего решения.

НИ КОЛОНИЯ, НИ КЛУБ

После войны вокруг СССР сложился пояс государств, связанных с Москвой политическим строем, военным присутствием, торговлей и общей угрозой с Запада.

Восточная Европа давала Советскому Союзу стратегическую глубину, аэродромы, армии, промышленность и рубеж, отодвигавший вероятную войну от советской территории.

СССР давал восстановление, рынок, сырьё, военную защиту и гарантию существования режимов.

Это не была классическая колониальная система. Москва не вывозила из союзников единую колониальную ренту и не уничтожала их государственность.

У них оставались правительства, армии, хозяйственные планы и собственные интересы.

Но и союзом равноправных государств конструкция не была. Советское руководство определяло внешний курс, стояло на вершине общего военного механизма и в кризисе могло отменить практическую самостоятельность партнёра.

Точнее называть это асимметричным контуром безопасности и производства.

Его несущим элементом была не декларация о дружбе, а способность центра принять на себя крайнюю ответственность.

НЕ В ЭФИРЕ

Летом пятьдесят второго СЕПГ провозгласила ускоренное строительство социализма.

Приоритет тяжёлой промышленности, давление на частный сектор и форсированное кооперирование деревни ухудшили снабжение и усилили бегство населения на Запад.

Весной следующего года советские органы уже докладывали Москве о падении уровня жизни и политической неустойчивости.

В конце мая советское руководство потребовало изменить курс. Девятого июня Политбюро СЕПГ признало ошибки, одиннадцатого опубликовало решение о послаблениях.

Но рабочим не отменили главное раздражение — повышение норм выработки примерно на десять процентов.

Получилось политически разрушительное неравенство. Государство отступало перед частником и церковью, а от рабочего по-прежнему

требовало больше труда за прежнюю оплату.

Пятнадцатого июня строители Сталиналлее потребовали вернуть нормы. На следующий день несколько сотен человек прекратили работу и пошли к правительственным зданиям.

Кризис вырос из решений самой ГДР, о последствиях которых Москва знала заранее.

ОТ НОРМЫ К ВЛАСТИ

По дороге экономическое требование стало политическим.

Зазвучали призывы к отставке правительства, свободным выборам и общей забастовке. Западноберлинская радиостанция РИАС распространяла сведения о демонстрации и назначенном на утро митинге.

Информационное воздействие было реальным. Но оно не создало первоначальную остановку работ и не объясняет причин недовольства.

К утру семнадцатого июня протест охватил не только Берлин. Забастовки и выступления начались в Магдебурге, Галле, Лейпциге, Гере, Дрездене.

Десятки тысяч людей вышли на улицы.

Одновременно с мирными колоннами происходили штурмы партийных зданий, судов, полицейских учреждений и тюрем, освобождение заключённых, уничтожение документов и вооружённые столкновения.

Обе позднейшие картинки поэтому неполны. Это не был целиком организованный Западом путч. Но и безоружным трудовым шествием весь кризис не был.

Государство столкнулось одновременно с массовым рабочим протестом, политическим восстанием и разрушением местных органов власти.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

В июне пятьдесят третьего ГДР ещё находилась внутри оккупационной конструкции. Национальной армии, способной самостоятельно подавить

кризис такого масштаба, не существовало.

Командующим Группой советских оккупационных войск в Германии только что стал генерал-полковник Андрей Гречко. Политическую функцию Москвы исполнял Семёнов. Из столицы прибыл начальник Генерального штаба маршал Василий Соколовский.

Советские части были приведены в готовность ночью. Бронетехника заняла ключевые улицы и объекты. Командование ввело особое положение, ограничило движение и собрания, усилило секторную границу.

К вечеру контроль был восстановлен.

Отдельного найденного приказа Президиума ЦК с подписью конкретного человека под формулой «открыть огонь» нет. Назначать задним числом персонального автора отсутствующего документа нельзя.

Но субъект решения установлен и без этого. Политическое согласование провёл советский верховный комиссар, власть приняло советское командование, силу применила прежде всего Советская армия.

ТАНКИ НЕ УПРАВЛЯЮТ

Ввод войск не устранил причин кризиса.

Уже двадцать первого июня ЦК СЕПГ объявил новые хозяйственные меры. Затем Москва уменьшила часть финансовой нагрузки на ГДР, пересмотрела репарационный режим и поддержала повышение жизненного уровня.

Ульбрихт сохранил власть. Политика республики изменилась.

Это существенно. Советская сила не просто подавила выступление и вернулась в исходную точку.

Она не дала распасться политической конструкции, после чего центр и местное руководство начали исправлять решения, которые привели к взрыву.

Сначала армия восстановила управляемость. Затем экономика должна была вернуть режиму опору.

Так работала крайняя гарантия общего двора. Центр мог силой остановить разрушение союзного государства, но устойчивость всё равно требовала местной власти, снабжения и признанного порядка.

Танки заменяли управление на несколько часов. Заменить его навсегда они не могли.

ПЕРВЫЙ ПРЕДЕЛ

События семнадцатого июня показывают исходную границу.

Правительство ГДР обладало повседневной властью, пока справлялось со своей функцией. Когда оно перестало контролировать столицу, последняя власть оказалась у Москвы.

Суверенитет существовал — под советской гарантией и с советским правом чрезвычайного вмешательства.

Для СССР это было не отвлечённое господство над соседом. Потеря ГДР означала изменение военного баланса в центре Европы, угрозу советской группировке и пересмотр итогов войны, завершившейся всего восемь лет назад.

Советское руководство защищало одновременно союзный режим и собственную безопасность.

Для немцев цена была другой: решение о применении крайней силы принимал внешний центр.

Пока интересы совпадали, асимметрия могла выглядеть защитой. В кризис она обнаруживалась как ограничение государственной самостоятельности.

ЗАКОН ДВОРА

Первый контрольный случай даёт рабочую формулу сезона.

СССР не управлял каждым решением союзника, но отвечал за сохранение всей конструкции и оставлял за собой последнюю силовую функцию. В обмен он ожидал внешнеполитической верности и сохранения власти, включённой в советский контур.

Однако уже через три года выяснится, что наличие танков ещё не определяет их применение.

В Польше Москва согласится на смену руководства, вывод Рокоссовского и расширение внутренней автономии. В Венгрии тот же Президиум ЦК сначала введёт войска, затем обсудит их вывод и после этого решит вводить снова.

Значит, советская политика не сводилась к автоматическому подавлению любого неповиновения. У неё существовал критерий.

Полковник Фадейкин передал в Москву несколько строк — и в этих строках правительство целой страны перестало быть высшей инстанцией на своей территории. Где проходила граница, за которой самостоятельность союзника становилась угрозой всему контуру, — и кто вообще имел право её проводить?

Первый материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — Польша и Венгрия: почему один и тот же Президиум ЦК за десять дней принял два противоположных решения.

Двадцать первого — не вводить. Тридцать первого — вводить

№ в серии: 201 из 233 · № в сезоне: 2 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: I «Граница суверенитета» · Дзен: 19.10.2027 · ЖЖ: 19.10.2027 · Заставка: s18_02.png · Теги: Историческая Россия, Польша, Венгрия, 1956 год, Владимир Малин, Гомулка, Имре Надь, Янош Кадар

Двадцать первого октября тысяча девятьсот пятьдесят шестого года Владимир Малин записал решение Президиума ЦК о Польше: с учётом обстоятельств воздержаться от военного вмешательства, проявить терпение.

Все согласились.

Через десять дней тот же орган обсуждал Венгрию. Формула стала противоположной: войска не выводить, самим взять инициативу в восстановлении порядка.

Записи Малина, заведующего Общим отделом ЦК, — то, что позволяет говорить об этих решениях не по мемуарам, а по протоколу. Он сидел на заседаниях и вёл черновую запись.

Между двумя решениями не изменился строй Советского Союза, не сменилась его верхушка и не исчезла Советская армия.

Изменилась оценка: можно ли сохранить союзное государство внутри общего контура без прямого применения советской силы.

Польша дала положительный ответ. Венгрия — отрицательный.

СВЕРХУ И СНИЗУ

В июне рабочее выступление в Познани переросло в столкновения с органами власти; погибли десятки людей.

К осени конфликт переместился внутрь Польской объединённой рабочей партии. Владислав Гомулка возвращался в руководство после опалы и заключения.

Одновременно из высших органов выводили Константина Рокоссовского — маршала Советского Союза, маршала Польши и

министра национальной обороны.

Для Москвы это означало пересмотр самой послевоенной кадровой конструкции.

Девятнадцатого октября Хрущёв, Микоян, Молотов и Каганович без предварительного приглашения прибыли в Варшаву. Советские части в Польше начали движение.

Давление было не дипломатической декорацией: за переговорами стояла реальная военная возможность.

Но польское руководство не отменило избрание Гомулки. Оно показало, что готово спорить с Москвой и одновременно не собирается выводить страну из социалистического лагеря.

ОБМЕН

Гомулка защищал право Польши самостоятельно решать внутренние вопросы.

Он не требовал немедленного ухода советских войск, подтверждал участие в Варшавском договоре и сохранял внешнеполитический союз с СССР.

Москва уступала в составе руководства и устройстве внутренней политики. Основную функцию Польши как части общего пояса безопасности она не теряла.

Двадцать первого октября Президиум ЦК решил не вмешиваться.

Это не было поражением советской армии и не означало равнодушия Кремля. Руководство СССР установило, что местный политический субъект способен сам восстановить управляемость и удержать страну в союзе.

Польский случай разрушает формулу, будто Москва подавляла всякую самостоятельность автоматически.

Рокоссовский ушёл. Гомулка вернулся. Польская партия получила больше пространства.

Красная линия проходила не по степени почтительности к советскому руководителю, а по сохранению внешнего контура.

ТРИ ТРАЕКТОРИИ

Двадцать третьего октября начался кризис в Будапеште. Демонстрация переросла в вооружённые столкновения, захваты оружия и государственных зданий.

В тот же день Хрущёв выступил за ввод войск. Советские части вошли в столицу в ночь на двадцать четвёртое.

Первая операция не восстановила прежнего порядка. Соппротивление расширялось, руководство менялось.

Имре Надь возглавил правительство, Эрнё Герё потерял власть в партии, первым секретарём стал Янош Кадар. Москва пыталась найти местный центр, через который можно стабилизировать страну.

Тридцатого октября Президиум обсуждал уже обратный путь.

Хрущёв поставил рядом военную оккупацию и мирный вариант — вывод войск с переговорами. Советское заявление допускало пересмотр отношений с союзниками и обсуждение присутствия советских частей.

Значит, окончательная интервенция не была неизменным планом с первого часа.

РАЗВОРОТ

На следующий день Президиум изменил решение.

Хрущёв предложил войска не выводить и самим проявить инициативу в восстановлении порядка. Жуков, Булганин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Сабуров согласились.

Надь объявил о нейтралитете и выходе из Варшавского договора первого ноября. Но московский разворот произошёл днём раньше.

Поэтому заявление Надя нельзя выдавать за причину уже принятого решения.

К тридцать первому октября Москва видела другое. Прежний партийный аппарат распадался, в правительство входили силы вне прежней политической монополии, вооружённые группы не складывали оружие, обсуждался вывод советских войск.

Советское руководство решило, что венгерское государство движется не к польской автономии внутри союза, а к выпадению из всей конструкции.

Суэцкий кризис усиливал страх показать слабость, но не исчерпывал мотив. Решался вопрос о том, останется ли Венгрия частью советского стратегического пространства.

НУЖЕН БЫЛ МЕСТНЫЙ

Даже решив применить армию, Москва не могла удерживать Венгрию одним внешним командованием.

Для операции требовалась местная власть. Эту функцию получил Кадар, объявивший новое правительство.

Четвёртого ноября началась операция «Вихрь». Советские войска заняли ключевые объекты и вступили в тяжёлые бои. Правительство Надя потеряло возможность управлять страной.

Кадар был не украшением при советских танках.

После военной фазы именно его государственный и партийный аппарат должен был восстановить управление, сформировать новую легитимность и нести повседневную ответственность.

Советская армия могла сломать вооружённое сопротивление. Администрировать Венгрию годами из Москвы она не могла.

Сравнение с Польшей проходит поэтому не между «смелым» и «трусливым» народами. В обоих случаях были жертвы, массовое давление и борьба внутри партии.

Различался местный субъект, готовый сохранить внешнюю функцию без советской операции.

ПРАВИЛО ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОГО

Польша получила значительную внутреннюю автономию, потому что Гомулка оставлял нетронутыми союз и военную рамку.

В Венгрии Москва решила, что прежнее правительство эту рамку больше не удерживает, и силой создала условия для другого правительства.

Так проявилось неписаное правило общего двора. Союзник мог менять внутреннюю политику и кадры, пока центр считал сохранёнными внешнюю лояльность, военную географию и управляемость государства.

Когда под угрозой оказывалась сама принадлежность к контуру, Москва оставляла за собой интервенцию.

Это объяснение не оправдывает кровь и не делает советскую оценку безошибочной. Оно устанавливает механику решения.

Право союзника на внутренний выбор не было абсолютным. Право Москвы на вмешательство тоже не работало автоматически.

Между ними находилась политическая оценка без заранее согласованной процедуры.

СЛАБОЕ МЕСТО ЦЕНТРА

Ни Варшавский договор, ни другой опубликованный акт не задавал числа или критерия, после которого автономия превращалась в угрозу всему союзу.

Не существовало суда, совместной комиссии или обязательного голосования, способного проверить советскую оценку.

Решение принимал Президиум ЦК сильнейшего государства — коллегиально, быстро и по меняющейся обстановке.

В этом состояла одновременно сила и уязвимость системы.

Центр мог за несколько дней изменить курс и остановить распад. Но союзники не знали юридической границы своей самостоятельности, а Москва каждый раз заново решала, что считать общей угрозой.

В шестьдесят восьмом эта ситуативная практика получит публичное идеологическое обоснование. Причём порядок будет обратным обычному: сначала войска войдут в Чехословакию, а уже затем появится формула, объясняющая право на вмешательство.

Малин записал два противоположных решения одного и того же органа с разницей в десять дней — и оба были приняты единогласно. Что это говорит о системе: что она умела быстро думать или что у неё не было правила, которое можно нарушить?

Второй материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — Пражская весна: как порог вмешательства перенесли от выхода из союза к внутреннему устройству социалистического государства.

Войска вошли в августе. Формулу напечатали в сентябре

№ в серии: 202 из 233 · № в сезоне: 3 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: I «Граница суверенитета» · Дзен: 21.10.2027 · ЖЖ: 21.10.2027 · Заставка: s18_03.png · Теги: Историческая Россия, Чехословакия, 1968 год, Александр Дубчек, Брежнев, Сергей Ковалёв, Варшавский договор

Двадцать первого августа тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года войска государств Варшавского договора вошли в Чехословакию.

Через пять недель «Правда» опубликовала статью «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран».

Последовательность принципиальна.

Советский Союз не применил заранее установленную союзную норму. Сначала руководство приняло конкретное решение о силе, а затем сформулировало правило, которое должно было сделать это решение закономерным.

На Западе его назовут доктриной Брежнева.

По сравнению с пятьдесят шестым годом граница вмешательства сдвинулась. Венгрия двигалась к выходу из Варшавского договора. Чехословакия из него не выходила.

Москва присвоила себе право оценивать уже не только внешнюю верность союзника, но и состояние социалистического строя внутри него.

РЕФОРМА ВНУТРИ СОЮЗА

В январе первым секретарём Компартии Чехословакии стал Александр Дубчек.

Весной ослабили цензуру, расширили публичную дискуссию, начали менять экономический механизм и отношения между партией и обществом.

Руководство страны не объявляло перехода в западный блок, разрыва с СССР или выхода из Варшавского договора.

Но Москва оценивала не только подписанные акты. Она видела ослабление прежней партийной вертикали и сомневалась, способен ли Дубчек удержать реформу в допустимых пределах.

В июльском Варшавском письме руководители СССР, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии уже описывали происходящее как угрозу социализму в Чехословакии и безопасности всего содружества.

Тем самым внешняя функция была связана с внутренним устройством.

Если власть партии разрушалась, Москва считала ненадёжными и союзнические обязательства государства — хотя юридически они ещё не менялись.

ПЕРЕГОВОРЫ

В конце июля советское и чехословацкое руководство несколько дней вело переговоры в Чьерне-над-Тисой.

Третьего августа лидеры шести партий подписали Братиславскую декларацию. В ней рядом стояли два принципа: равноправие и суверенитет государств — и общая обязанность защищать социалистические завоевания.

Прямого права на вторжение документ не устанавливал.

Однако именно сочетание двух несовместимых в кризисе формул создавало будущий спор: кто решает, что внутренние изменения одного участника уже угрожают всем?

Девятого и тринадцатого августа Брежнев разговаривал с Дубчексом. Тон второго разговора был предельно жёстким: советский лидер обвинял его в невыполнении договорённостей и предупреждал о самостоятельных мерах.

Янош Кадар ещё пытался убедить Дубчека, что пространство для манёвра заканчивается.

Политическое давление продолжалось до последнего этапа. Решение о силе не возникло из первого раздражения.

ПРОСЬБА БЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Официальная советская версия утверждала, что союзные войска оказали помощь по просьбе руководителей Чехословакии.

Такая просьба существовала. Но исходила она от части противников реформ внутри партийной элиты и не была решением действующего правительства или Президиума ЦК КПЧ.

В ночь вторжения Президиум осудил ввод войск. Дубчек, председатель правительства Олдржих Черник и другие руководители публичного приглашения не давали.

«Пригласительное письмо» доказывает наличие внутренней опоры у Москвы. Обычным исполнением просьбы суверенного правительства операцию оно не делает.

Политически операция была коалиционной. В ней участвовали СССР, Польша, Венгрия и Болгария; ГДР была включена в общий замысел, хотя вопрос о переходе границы её частями требует отдельной оговорки.

Военное ядро, планирование и основную массу сил обеспечивала Советская армия.

УСПЕХ БЕЗ ПОЛИТИКИ

Аэродромы, узлы связи, столица и командные пункты были взяты быстро. Чехословацкая армия получила распоряжение не оказывать организованного сопротивления.

Большой войны между армиями не произошло.

Но население ответило массовым ненасильственным сопротивлением, саботажем информационных распоряжений и отказом признавать привезённую извне политическую версию.

Дубчека, Черника и других руководителей доставили в Москву. Двадцать шестого августа был подписан Московский протокол, задавший сворачивание реформ и временно сохранивший часть прежнего руководства.

Москва снова нуждалась в местном субъекте.

Военная машина могла занять страну. Для её повседневного управления требовались чехословацкие партийные и государственные органы.

Сила обеспечила новую рамку. «Нормализацию» затем проводили уже через них.

ДОКТРИНА ПОСЛЕ

Двадцать шестого сентября «Правда» напечатала статью Сергея Ковалёва.

Она признавала право социалистических стран выбирать путь развития, но ограничивала его интересами социализма в самой стране и во всём социалистическом сообществе. В ноябре Брежнев повторил ту же логику от первого лица на съезде ПОРП.

Это не был международный договор, решение суда или заранее принятый статут Варшавского договора. Термин «доктрина Брежнева» — позднее западное название политического принципа.

Но принцип был вполне определённым: суверенитет союзника признаётся, пока его внутреннее развитие не оценивается центром как угроза всей системе.

После Праги вмешательство оправдывалось уже не только предотвращением выхода из союза.

Москва объявила общим делом сохранение определённого общественного строя внутри страны. Порог силового решения переместился значительно глубже в национальную политику.

ПРАГА, НО НЕ БУХАРЕСТ

Румыния даёт необходимый контрпример.

Николае Чаушеску публично осудил интервенцию, не участвовал в ней и давно проводил самостоятельную внешнюю линию. Советские войска в Румынию не вошли.

Значит, даже новая формула не была автоматическим выключателем суверенитета.

Чехословакия занимала центральное место в военной географии Варшавского договора, выходила к ФРГ и линии НАТО. Одновременно Москва считала, что местная партия теряет управление внутренним процессом.

В её оценке совпали угроза стратегическому положению и угроза политическому механизму, который это положение обеспечивал.

Румыния спорила с центром, но сохраняла государственную управляемость, социалистический строй и оборонную принадлежность.

Прага казалась процессом с неизвестным финалом. Решение определял не один уровень непослушания, а сочетание географии, внутренней власти и оценки будущего.

ЦЕНА БЕЗ ПРАВА

Кто должен был устанавливать, когда национальная реформа превращается в общую угрозу?

Не совместный суд, не ясная процедура Варшавского договора и не голосование всех участников. Фактически ответ давало руководство СССР, способное получить поддержку части союзников и привести в действие общую военную машину.

Такая система обеспечивала быстрый ответ и разрушала доверие к заявленному равноправию.

Союзник не имел формального способа оспорить вывод Москвы. Советский центр принимал на себя ответственность за сохранение всего контура — и одновременно становился единственным судьёй собственных полномочий.

В августе шестьдесят восьмого это дало военный результат и долгосрочную политическую цену.

Чехословакия осталась в Варшавском договоре. Право вмешательства стало для всего блока видимой частью его устройства.

ПРЕДЕЛ СДВИНЕТСЯ

После Праги могло показаться, что Москва окончательно закрепила за собой обязанность вводить войска при угрозе власти союзной партии.

Польский кризис восемьдесят первого года проверит это правило в более тяжёлых условиях: массовая «Солидарность», ослабление ПОРП, экономический кризис и советские войска рядом.

Но десятого декабря Андропов и Суслов скажут прямо: вводить войска нельзя. Силовая функция не исчезнет — её оставят польскому государству.

Значит, доктрина была не вечным законом системы, а исторической формой решения, которую центр мог сузить собственным выбором.

Правило написали через пять недель после того, как по нему уже действовали, — и написал его не юрист, а публицист в партийной газете. Что это была за система, где принцип применения силы становится известен участникам после её применения?

Третий материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — Польша восемьдесят первого года: как Москва потребовала сохранить союзный строй, но отказалась выполнять эту задачу советскими войсками.

Десятого декабря решили не вводить

№ в серии: 203 из 233 · № в сезоне: 4 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: I «Граница суверенитета» · Дзен: 23.10.2027 · ЖЖ: 23.10.2027 · Заставка: s18_04.png · Теги: Историческая Россия, Польша, Солидарность, Войцех Ярузельский, Юрий Андропов, Михаил Суслов, военное положение

Десятого декабря тысяча девятьсот восемьдесят первого года Политбюро ЦК КПСС обсуждало Польшу.

Юрий Андропов сказал: даже если «Солидарность» получит власть, СССР не станет вводить войска.

Михаил Суслов сформулировал ещё жёстче: о вводе не может быть речи.

Через три дня Войцех Ярузельский ввёл военное положение.

После Берлина, Будапешта и Праги силовое решение снова состоялось — но крайнюю функцию исполнила польская государственная машина.

Москва потребовала сохранить внешний контур, поддержала подавление противника ПОРП и одновременно сознательно отказалась от новой советской интервенции.

Это не отсутствие решения. Это решение отрицательное.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ РЕФОРМА

Летом восьмидесятого забастовки охватили польское побережье.

Тридцать первого августа правительство подписало Гданьские соглашения, разрешившие независимые профсоюзы. «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой стала массовой организацией вне подчинения правящей партии.

В Чехословакии реформа шла сверху, через Компартию.

В Польше возник самостоятельный институт с миллионами участников, сетью предприятий и способностью к общенациональной мобилизации.

Для ПОРП это была угроза политической монополии. Для Москвы — риск потери важнейшего звена между СССР и ГДР.

Физическая возможность вмешательства сохранялась. Северная группа советских войск находилась в Польше, рядом стояли другие соединения Варшавского договора.

В декабре восьмидесятого крупные учения уже вызвали страх вторжения.

Но наличие армии и приказ применить её — не одно и то же.

ИСКАЛИ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Станислава Каню в Кремле считали недостаточно решительным.

В феврале восемьдесят первого председателем Совета министров стал генерал Войцех Ярузельский, сохранивший должность министра национальной обороны. Осенью он возглавил и партию.

В одном лице соединились правительство, армия и партийная вертикаль.

Подготовкой военного положения занимались польские МВД, Генеральный штаб и аппарат ПОРП. Важные функции выполняли генералы Чеслав Кищак и Флориан Сивицкий.

Операционные планы, списки интернирования, связь и ввод сил разрабатывались не в советском штабе как план захвата Польши, а внутри польского государства.

Москва знала о подготовке, давила на Варшаву, требовала решительности и проверяла готовность руководства.

Но она добивалась, чтобы польская власть применила собственные органы.

ПРЕДЕЛ ЗАПИСАН

Рабочая запись заседания Политбюро ценна тем, что появилась до начала операции.

Андропов связывал отказ от ввода с международными последствиями и тяжестью новой войны. Советский Союз уже вёл войну в Афганистане, испытывал экономическое напряжение и находился в остром противостоянии с Западом.

Суслов поддержал отказ, исходя и из внешнеполитической линии СССР.

Министр обороны Дмитрий Устинов отрицал сообщения, будто главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами маршал Виктор Куликов обещал Польше ввод советских войск.

Константин Черненко говорил, что польские товарищи должны сами определить необходимые действия.

Общая линия была ясной. Политическая и экономическая поддержка продолжится; силовую операцию Польша проводит своими силами.

Советское руководство не отказывалось от желаемого результата. Оно отказывалось быть непосредственным исполнителем.

ПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В ночь на тринадцатое декабря Ярузельский ввёл военное положение и объявил о создании Военного совета национального спасения.

Связь ограничили, ключевые предприятия заняли силовые подразделения, руководителей и активистов «Солидарности» интернировали.

Операция была подготовлена польскими структурами и началась по решению польского руководства.

Москва получила окончательное уведомление накануне и отнеслась к действиям с пониманием. Советские документы исходили из того, что союзник решит внутренний вопрос сам.

Это не делает Ярузельского независимым от СССР и не снимает многомесячного давления Кремля.

Но и формула «военное положение ввели по приказу Москвы» стирает субъект решения, без которого сама операция была бы невозможна.

КАТОВИЦЕ, ШЕСТНАДЦАТОЕ

Военное положение не было бескровной альтернативой советским танкам.

Тысячи людей интернировали, организации разогнали, забастовки подавили.

Шестнадцатого декабря на шахте «Вуек» в Катовице по бастующим горнякам открыли огонь. Погибли девять человек.

Стреляли не советские солдаты. Стреляли польские моторизованные отряды гражданской милиции по польским шахтёрам.

Это и есть точное содержание решения десятого декабря. Москва не отменила силу — она перенесла её исполнение и её цену на союзника.

Для Кремля главные функции были выполнены: Польша осталась в Варшавском договоре, армия сохранила управляемость, политическая власть не перешла к противнику советского блока.

Советское руководство получило требуемый стратегический результат без прямой войны с массовым польским движением.

Однако решение не устраняло кризис, а замораживало его. Система сохранила географию и институты и уже не могла восстановить их прежнюю социальную опору.

СДЕЛАЛА И НЕ СДЕЛАЛА

СССР сохранял войска в Польше, военную готовность и политический контроль над исходом кризиса. Он поставлял ресурсы, обсуждал кредиты и поддерживал руководство ПОРП.

Советское давление было частью всей ситуации.

Но новая операция по образцу Праги не началась.

Дополнительные советские силы не захватывали польские центры управления. Командование Польской народной армии не передавалось советскому маршалу. Варшавский договор не был превращён в инструмент интервенции против собственного участника.

Разница проходит не между вмешательством и полной непричастностью.

Москва вмешивалась политически и экономически, но не забрала у национального государства функцию непосредственного применения силы.

Внешний центр назначил границу результата. Внутренний центр выбрал и исполнил способ.

ЧЕТЫРЕ МОДЕЛИ

Берлин: местная власть не справляется, и крайняя функция переходит советскому командованию.

Венгрия: Москва колеблется между переговорами и интервенцией, затем вводит войска и создаёт новое местное правительство.

Чехословакия: союзная операция проводится до формального выхода страны из общего контура.

Польша: центр требует сохранить систему, но оставляет силовое исполнение национальному государству.

За три десятилетия советская функция сузилась.

Сначала Москва сама принимала власть. Затем искала местного исполнителя после операции. В восемьдесят первом она уже признавала: союзник должен восстановить порядок собственными органами, даже если риск его поражения остаётся.

Это ещё не отказ от доктрины вмешательства в принципе. Советские войска оставались на месте, общего договора об абсолютном невмешательстве не существовало.

Но политическая практика изменилась раньше формального правила.

ДРУГОЙ СПОСОБ

Объяснение «Ярузельский сделал работу за Москву» содержит значительную часть истины. Именно поэтому случай важен.

Центр сохранил внешнюю функцию, не приняв на себя прямое силовое управление. Отказ от вторжения был не бездействием, а способом снизить цену удержания общего двора.

Однако такой способ работал лишь пока существовал местный аппарат, готовый платить внутреннюю цену за союзный результат.

В восемьдесят девятом Москва пойдёт дальше: она уже не потребует от партийных режимов спасти себя военной силой и признает право народов менять общественный строй.

До этого финала сезон должен выйти за пределы Восточной Европы.

Китай покажет противоположную границу советской власти. Слишком крупного союзника нельзя удержать ни интервенцией, ни назначением местного исполнителя.

Девять горняков в Катовице погибли потому, что Политбюро в Москве шестью днями раньше решило не вводить войска. Отказ от собственного насилия обернулся чужим. Считать ли такое решение сдержанностью — и кто в этой конструкции нёс ответственность за выстрел?

Четвёртый материал сезона «Общий двор», всего 12.

Далее — Китай: что СССР отдал ради союза, как политический раскол превратился в остановку производственной кооперации и почему равный партнёр не согласился жить во дворе.

Дорогу вернули безвозмездно. Порт — следом

№ в серии: 204 из 233 · № в сезоне: 5 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: II «Союзник, ставший вторым центром» · Дзен: 25.10.2027 · ЖЖ: 25.10.2027 · Заставка: s18_05.png · Теги: Историческая Россия, Китай, Мао Цзэдун, Сталин, Андрей Вышинский, Чжоу Эньлай, Порт-Артур, КВЖД

Четырнадцатого февраля тысяча девятьсот пятидесятого года Андрей Вышинский и Чжоу Эньлай подписали в Москве соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем.

Первая статья устанавливала: Советский Союз безвозмездно передаст Китаю все права на совместное управление железной дорогой и принадлежавшее советской стороне имущество.

Не продаст. Не сохранит концессию под другим названием. Передаст безвозмездно.

Этот документ плохо помещается в две привычные версии.

СССР не обращался с новым Китаем как с территорией для колониальной эксплуатации. Но отношения не были и бескорыстным братством: одновременно подписывались военный союз, связанный промышленный кредит и система взаимных обязательств.

Москва отказывалась от части прежних привилегий, чтобы получить не подчинённую окраину, а сильного союзника на огромной азиатской границе.

СОРОК ПЯТЫЙ ГОД

В августе сорок пятого Москва заключила договор с правительством Чан Кайши.

Китайская Чанчуньская железная дорога стала совместной собственностью СССР и Китая. Порт-Артур оформлялся как совместная военно-морская база при советском военном контроле. Дальний сохранял особый режим.

Конструкция выросла из Ялтинских соглашений: союзники связывали вступление СССР в войну против Японии с восстановлением его стратегических позиций в Маньчжурии.

Железная дорога обеспечивала выход к портам и военный коридор. Порт-Артур давал базу на Жёлтом море. Срок совместного управления дорогой определялся в тридцать лет.

С точки зрения безопасности Советского Союза это были рациональные приобретения державы-победительницы.

С точки зрения китайского суверенитета — иностранные права на китайской территории, продолжавшие историю слабости государства перед внешними силами.

МАО ТРЕБОВАЛ ДРУГОГО

Первого октября сорок девятого была провозглашена КНР. В декабре Мао Цзэдун приехал в Москву.

Старый договор был подписан с разгромленным противником новой власти и плохо соответствовал формуле равноправия коммунистических государств.

Сталин не собирался без обсуждения отказываться от стратегических результатов войны. Переговоры были тяжёлыми и продолжительными.

Но оценивать итог надо не по атмосфере, а по пакету документов четырнадцатого февраля: новому тридцатилетнему Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи, соглашениям о маньчжурской инфраструктуре и советскому кредиту.

Договор сорок пятого года прекращал действие.

Права, которые СССР мог сохранять десятилетиями, получили близкий конечный срок. Политическое решение меняло материальное устройство советского присутствия.

ДОРОГА, ПОРТ, ГОРОД

Китайская Чанчуньская железная дорога объединяла бывшую КВЖД и часть Южно-Маньчжурской линии.

Советские права на совместное управление и имущество должны были перейти КНР после мирного договора с Японией, но не позднее конца пятидесят второго года. Передача состоялась в срок.

Порт-Артур должен был лишиться советских войск, а его сооружения и оборудование — перейти китайскому правительству.

Корейская война изменила график: по просьбе Китая совместное использование базы продлили. Но временное продление не восстановило старое долгосрочное право.

В пятьдесят четвёртом Москва и Пекин договорились о выводе, к маю следующего года он завершился.

Администрация Дальнего и порта также переходила КНР. СССР снимал не только имущественные притязания, но и часть управленческой функции на территории союзника.

НЕ «ПОДАРОК КВЖД»

Формула «Сталин подарил Китаю КВЖД» удобна и неточна.

СССР передавал свою долю прав и имущества в совместной компании, действовавшей на китайской территории. Он не отдавал советскую территорию и не пересматривал дальневосточную границу.

Айгунский и Пекинский договоры девятнадцатого века оставались в силе как основа границы: Приамурье и Приморье находились в СССР. Независимость Монгольской Народной Республики также не ставилась под сомнение.

Речь шла о специальных правах, полученных в Маньчжурии после войны с Японией.

Но эта поправка не уменьшает масштаба решения.

Долгосрочный контроль над стратегической дорогой, военно-морской базой и особым портовым режимом был реальным активом. Советский

Союз добровольно ограничил его существование, не потерпев военного поражения и не получив денежной компенсации за сам отказ от прав.

КРЕДИТ НЕ ПОМОЩЬ

В тот же день СССР предоставил Китаю кредит на триста миллионов долларов сроком на пять лет под один процент годовых.

Он предназначался для поставок оборудования электростанций, металлургических и машиностроительных предприятий, шахт и транспорта.

Кредит подлежал возврату в течение десяти лет сырьём, чаем, золотом и долларами. Цены на часть товаров связывались с мировым рынком.

Следовательно, в одном пакете существовали два разных движения: безвозмездная передача конкретных прав и возвратное финансирование индустриализации.

СССР сокращал экстерриториальное присутствие и одновременно встраивался глубже в китайское развитие через оборудование, инженеров, стандарты и долгосрочные поставки.

Влияние строилось не на сохранении концессии, а на создании промышленной взаимозависимости.

ОБМЕН

Можно сказать, что Москва меняла дорогу и базу на политический союз с Китаем. Это справедливо, если не превращать обмен в тайную сделку с фиксированной ценой.

Советскому Союзу был необходим дружественный Китай: он закрывал огромную границу, усиливал позиции в Азии и создавал противовес Соединённым Штатам и Японии.

Китаю требовались безопасность, кредит, промышленная технология и помощь в создании современного государства.

Обе стороны получали больше, чем записано в бухгалтерском приложении.

Но форма обмена имеет принципиальное значение.

Москва могла попытаться строить влияние на прежних правах сильной державы. Она выбрала их демонтаж.

Вектор шёл от привилегии к союзному обязательству — хотя полного равенства сил, ресурсов и переговорных возможностей между сторонами не существовало.

ДРУГОЙ СОЮЗНИК

В Восточной Европе СССР мог стать верховным военным гарантом и в кризисе принять крайнюю власть.

Китай имел собственную революцию, огромную территорию, многомиллионную армию и руководство, не получившее должность от Москвы. Союз с ним с самого начала требовал другого типа отношений.

Сталин признал это материально: долгосрочное присутствие сокращалось, управление инфраструктурой возвращалось Пекину, помощь должна была создавать китайскую промышленность, а не вечную зависимость.

Противоречие заключалось в том, что политический язык «старшего» и «младшего» всё равно сохранялся в международном коммунистическом движении.

Пока совпадали стратегические интересы, противоречие можно было не замечать.

После смерти Сталина, десталинизации и споров о мировой стратегии оно выйдет наружу. Тогда выяснится: техническая помощь дала Москве огромное влияние, но не дала права командовать Китаем.

СТАВКА

К концу пятидесят второго дорога была передана. В пятьдесят пятом советские войска ушли из Порт-Артура.

На месте специальных прав росла другая материальная система — сотни проектов, тысячи специалистов, китайские студенты в СССР,

оборонная и промышленная кооперация.

Поэтому будущий разрыв нельзя измерять только грубостью переписки Хрущёва и Мао.

Союз был вложен в заводы, лаборатории, ракеты, учебные планы и личные связи инженеров. Разрушить его означало физически разъединить производственные системы.

В июле шестидесятого советское руководство выберет именно такой способ давления: отозвать всех специалистов, включая военных.

Сталин отдал дорогу и базу, чтобы получить союзника, которым нельзя командовать. Через десять лет его преемник попытается командовать — и потеряет союзника. Что из этих двух решений было расчётом, а что нетерпением?

Пятый материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — отзыв специалистов: кто принял максималистское решение, что оно остановило в Китае и почему одновременно ударило по советским интересам.

Восемнадцатого июля отозвали всех

№ в серии: 205 из 233 · № в сезоне: 6 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: II «Союзник, ставший вторым центром» · Дзен: 27.10.2027 · ЖЖ: 27.10.2027 · Заставка: s18_06.png · Теги: Историческая Россия, Китай, советско-китайский раскол, Хрущёв, Пётр Мелешин, Степан Червоненко, Не Жунчжэнь

Восемнадцатого июля тысяча девятьсот шестидесятого года посольство СССР в Пекине вручило китайскому МИД ноту.

Советское правительство отзывает на родину специалистов и советников, включая военных.

Всех.

Через десять лет после союзного договора политический конфликт впервые получил полную производственную форму.

Советские инженеры оставляли китайские заводы, стройки, лаборатории и оборонные программы. Вместе с ними прекращались консультации, сопровождение оборудования и передача следующего слоя технологии.

Решение должно было наказать Пекин и защитить советские секреты.

Одновременно оно уничтожало повседневное присутствие СССР внутри китайской индустриализации. Хрущёвское руководство выбрало не ограничение новых проектов и не постепенное завершение контрактов, а максимальный разрыв.

СОЮЗ СТРОИЛИ ИНЖЕНЕРЫ

Советская помощь Китаю не сводилась к кредиту.

Специалисты проектировали предприятия, монтировали оборудование, ставили технологические процессы и готовили кадры. Более полутора ста крупных проектов охватывали энергетику, металлургию, машиностроение, добычу сырья и оборонную промышленность.

К началу пятидесят восьмого года в Китае работали около двух тысяч четырёхсот советских специалистов. Тысячи китайских студентов учились

в СССР.

Через эту сеть передавались не только чертежи, но и советская система организации производства: от роли проектного института до связи завода с отраслевым министерством.

Во второй половине пятидесятых сотрудничество дошло до ракетных и специальных технологий.

Советские специалисты помогали создавать производство ракеты Эр-два. Руководитель группы Пётр Мелешин принадлежал к школе Сергея Королёва.

Такой уровень допуска означал стратегическое доверие, а не обычную торговлю оборудованием.

РАСКОЛ БЫЛ РАНЬШЕ

Москва и Пекин спорили о десталинизации, мирном сосуществовании, отношениях с США и Индией, ядерной войне и праве руководить мировым коммунистическим движением.

Мао не признавал Хрущёва бесспорным наследником советского лидерства. Хрущёв всё меньше доверял самостоятельной и рискованной китайской политике.

В июне пятьдесят девятого СССР прекратил ключевую часть помощи по созданию китайского ядерного оружия.

Осенью встреча Хрущёва с Мао, Чэнь И и другими руководителями перешла в открытый спор. Летом следующего года на съезде Румынской рабочей партии конфликт уже происходил перед международной аудиторией.

Следовательно, июльская нота не создала раскол.

Она перевела накопленное недоверие из политики в технологическую кооперацию и сделала его материально почти необратимым.

ЧТО УТВЕРЖДАЛА НОТА

Советская нота обвиняла китайскую сторону в недружественном отношении к специалистам, наблюдении за ними и попытках втянуть советских граждан в межпартийную дискуссию.

Технический работник оказывался участником борьбы двух центров за правильное толкование марксизма и мировую стратегию.

Москва утверждала, что сами специалисты просили вернуть их домой. Индивидуальных заявлений всего корпуса, подтверждающих эту формулу, нет.

Нота выражает позицию государства и должна читаться именно так.

В ней есть важная деталь: вопрос об отзыве ставился и раньше, а Пекин просил продолжать работу.

Но прежние обсуждения не прекращали систему целиком. В июле шестидесятого решение стало всеобщим и распространилось на военных советников.

Это было сознательное повышение уровня конфликта.

МАСШТАБ УЩЕРБА

Китайская сторона впоследствии называла тысячу триста девяносто отозванных специалистов, триста сорок три прекращённых контракта и двести пятьдесят семь проектов.

Эти цифры нельзя превращать в нейтральную советскую ведомость или в число брошенных заводов: категории происходят из китайской оценки, часть объектов была завершена, часть продолжила работу собственными силами.

Но основной факт от этого не меняется.

Общий отзыв подтверждён советской нотой, а прекращение технического содействия затронуло широкий круг гражданских и оборонных программ. Последний советский специалист ракетного профиля покинул Пекин двенадцатого августа.

Американские оценки связывали отзыв с задержками китайских авиационных и военно-морских программ.

В ядерной и ракетной областях последствия были серьёзными, но не окончательными. СССР мог замедлить развитие Китая. Остановить его навсегда он уже не мог.

ПОЧЕМУ НЕ ПОГАС

К шестидесятому году технология уже частично находилась внутри Китая.

Были поставлены оборудование, образцы и документация, подготовлены инженеры, созданы институты и производственные коллективы.

Отъезд советского специалиста прекращал дальнейшее сопровождение, но не стирал усвоенное знание.

Маршал Не Жунчжэнь потребовал продолжать работу собственными силами. Китайская ракетная линия, выросшая из Эр-два, сохранилась; атомная программа завершилась созданием оружия.

Разрыв ускорил формирование самостоятельного технологического центра, которого Москва как раз опасалась.

При этом нельзя приписывать отзыву катастрофу «Большого скачка».

Форсированная коллективизация, политизация производства и хозяйственный хаос начались раньше. Советское решение ухудшило положение ряда проектов, но не создало китайский голод и общий кризис управления.

КТО ОТВЕЧАЛ

Формально отзыв объявлялся решением советского правительства. Политически он принадлежал линии Хрущёва, который использовал экономическое и техническое сотрудничество как средство межпартийного давления.

Не все внутри системы считали масштаб разумным. Посол Степан Червоненко позднее вспоминал, что предлагал хотя бы завершить действующие контракты.

Альтернативы существовали: прекратить новые соглашения, закрыть особо чувствительные оборонные направления, постепенно сократить присутствие, оставить инженеров до пуска объектов.

Вместо этого Москва вывела весь кадровый корпус.

Поэтому нельзя растворять ответственность в безличном «отношения ухудшились».

Политический конфликт был двусторонним. Конкретный способ разрыва выбрало советское руководство. Оно сознательно связало спор о лидерстве с остановкой производственной кооперации.

УДАР ПО СЕБЕ

Отзыв причинил Китаю затраты, но одновременно лишил СССР доступа к китайской промышленности, информации о новых программах, влияния на стандарты и сети личных профессиональных связей.

Советские инженеры были не благотворителями при чужом заводе. Они являлись носителями долгосрочного присутствия Москвы.

Уезжая, они освобождали пространство для китайской автономии и будущего поиска других внешних связей.

Наказание союзника сокращало способность СССР влиять на его дальнейший курс.

Это типичная ошибка максималистской санкции: она демонстрирует власть в момент решения и уменьшает власть после исполнения.

Рациональное основание у Москвы было. Нельзя бесконечно передавать оборонные технологии руководству, которое открыто оспаривает твою стратегию.

Ошибка была не в признании риска, а в отсутствии градаций между прежней близостью и полным обрывом.

ВО ВТОРОЙ ЦЕНТРЕ

В феврале пятидесятого союз измерялся дорогой, базой, кредитом и обязательством взаимной помощи.

В июле шестидесятого раскол измерялся людьми, покидавшими предприятия.

Политическая вертикаль разрушила материальную связность, которая могла сдерживать конфликт.

Китай не вернулся в подчинённое положение. Он продолжил собственные программы и начал претендовать на роль второго центра мирового коммунистического движения.

Через несколько лет спор выйдет из производственных цехов в историю границы. Пекин напомним об Айгунском и Пекинском договорах, а идеологическое соперничество получит территориальный язык.

Именно здесь последствия решения становятся длиннее его первоначальной цели.

Москва хотела дисциплинировать союзника. Она помогла превратить его в независимого соперника.

Посол на месте предлагал хотя бы доработать контракты — его не послушали. Санкция была рассчитана на день объявления, а не на десятилетие после. Чем в таком случае измеряется сила решения: тем, что оно демонстрирует, или тем, что оставляет после себя?

Шестой материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — как спор о Сталине и мировой революции вернул на политический стол договоры девятнадцатого века и русско-китайскую границу.

Восьмого марта вспомнили Айгун

№ в серии: 206 из 233 · № в сезоне: 7 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: II «Союзник, ставший вторым центром» · Дзен: 29.10.2027 · ЖЖ: 29.10.2027 · Заставка: s18_07.png · Теги: Историческая Россия, Китай, Айгунский договор, Пекинский договор, Дэн Сяопин, Михаил Суслов, советско-китайская полемика

Восьмого марта тысяча девятьсот шестьдесят третьего года «Жэньминь жибао» перечислила договоры, которые Китай считал неравноправными.

Среди них стояли Айгунский договор тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года и Пекинский тысяча восемьсот шестидесятого.

Спор двух коммунистических партий открыл дверь в девятнадцатый век.

Несогласие по поводу Сталина, мирного сосуществования и мировой революции получило гораздо более опасный предмет — происхождение действующей государственной границы.

Граница не создала советско-китайский раскол. Наоборот: разрушенное политическое доверие превратило историю границы в оружие.

Пока союз работал, старые договоры не мешали сотрудничеству. Когда Пекин перестал признавать московский центр, прошлое стало способом предъявить ему счёт.

НЕ НА АМУРЕ

К началу шестьдесят третьего советские специалисты уже уехали, помощь по ядерному оружию была прекращена, а союзный договор пятидесятого года формально продолжал действовать.

Москва и Пекин спорили о праве определять общую линию социалистического мира.

Непосредственным поводом для территориального ответа стал аргумент Хрущёва: если Китай непримирим к империализму, почему он терпит британское и португальское присутствие в Гонконге и Макао?

Китайская печать ответила перечнем соглашений, навязанных стране разными державами. Царская Россия оказалась в одном ряду с Великобританией, Францией и Японией.

Это был не академический семинар.

Газеты и журналы выражали согласованную позицию партийных аппаратов. Межпартийная полемика уже влияла на кредиты, военные технологии, международные союзы и поведение пограничных войск.

АЙГУН И ПЕКИН

Айгунский договор изменил границу по Амуру: левый берег отходил России, территория между Уссури и морем оставалась до нового урегулирования.

Пекинский договор закрепил Приморье за Россией.

Китай девятнадцатого века подписывал эти акты в условиях военного и политического ослабления.

Советская историография могла осуждать империализм царского правительства, но Советский Союз сохранял границы, возникшие в ту эпоху.

Как только происхождение договоров объявлялось несправедливым, возникал вопрос: распространяется ли оценка прошлого на современную территорию?

Пекин не предъявил в марте шестьдесят третьего готового требования немедленно вернуть всё отошедшее России.

Китайская формула допускала признание, пересмотр или новое оформление исторических актов. Политический счёт существовал; решения передвинуть всю границу не было.

ОЦЕНКА И ТРЕБОВАНИЕ

В позднейшей полемике появится цифра более полутора миллионов квадратных километров, полученных царской Россией по неравноправным договорам.

Из неё часто делают вывод, будто Китай уже требовал отдать весь русский Дальний Восток.

Документы дают более сложную картину.

Пекин называл происхождение договоров несправедливым, но соглашался использовать их как основу переговоров о конкретной линии. В феврале шестьдесят четвёртого ЦК КПК прямо подтверждал готовность уважать исторические договоры при урегулировании границы.

Москва, со своей стороны, разделяла моральную оценку царской политики и действующее территориальное положение.

Прошлое можно критиковать. Сложившуюся государственную границу — нельзя автоматически отменять.

Обе позиции ещё оставляли пространство для переговоров.

ПОЛЕМИКА КАК ПОЛИТИКА

Тридцатого марта ЦК КПСС изложил Пекину советскую линию. Четырнадцатого июня КПК ответила «Предложениями о генеральной линии международного коммунистического движения».

В июле делегация во главе с Дэн Сяопином вела переговоры в Москве; ключевым советским участником был Михаил Суслов. Соглашения не достигли.

Четырнадцатого июля ЦК КПСС опубликовал открытое письмо партийным организациям и коммунистам СССР.

Осенью китайская сторона начала серию «Девяти комментариев» о Сталине, Югославии, войне, мире и «хрущёвском ревизионизме».

Это была борьба не публицистов, а двух центров власти.

Партия в обеих странах определяла государственную стратегию. Поэтому спор о марксизме немедленно менял военное сотрудничество, дипломатические позиции и режим границы.

ГРАНИЦА КАК КОНФЛИКТ

В сентябре советское правительство официально ответило на территориальную тему и предупредило против искусственного создания споров вокруг исторически сложившихся границ.

Москва обвиняла китайскую сторону в тысячах нарушений. Это была статистика участника конфликта, а не нейтральная ведомость.

Пекин обвинял СССР во вмешательстве в Синьцзяне и содействии массовому уходу китайских граждан через границу.

Исторический спор соединялся с современным взаимным недоверием.

Двадцать пятого февраля шестьдесят четвёртого в Пекине начались пограничные переговоры.

Их предметом была не передача всего Приморья, а прохождение линии, принадлежность островов и толкование договоров. На реках имело значение, считать ли границей китайский берег или главный фарватер.

НЕ МЛАДШИЙ

Польша или Румыния могли спорить с Москвой о пределах самостоятельности внутри советского стратегического пространства.

Китай ставил вопрос иначе: почему Москва вообще должна быть единственным центром социалистического мира?

Пекин формулировал собственную генеральную линию, оценивал советскую внешнюю политику, обвинял руководство КПСС в ревизионизме и предъявлял России исторический счёт.

Это уже не торг за большую автономию во дворе. Это отказ признавать хозяина двора.

Личные качества Хрущёва и Мао усиливали конфликт, но не исчерпывали его.

Раскол пережил снятие Хрущёва. За ним стояли государственные интересы, ядерная стратегия, борьба за влияние в Азии и разное понимание собственного места в мире.

ИСТОРИЯ КАК ОРУЖИЕ

Нельзя объявлять будущий бой на Даманском неизбежным следствием Айгунского договора.

В пятидесятом та же граница не помешала Сталину и Мао заключить союз. СССР передавал Китаю дорогу и базу, а Пекин не ставил территориальный ультиматум.

История приобрела взрывную функцию после отзыва специалистов, прекращения части военного сотрудничества и открытой борьбы за лидерство.

Когда текущая связь разрушена, старый договор превращается из архивного факта в доказательство вечной враждебности.

Это важнее спора о том, кто первым вспомнил девятнадцатый век.

Ответственность политического руководства состоит в том, чтобы не позволить историческому счёту заменить действующий механизм согласования интересов.

Москва и Пекин такого механизма не создали.

ОТ ДОГОВОРОВ К МЕТРАМ

Опасность началась там, где общая формула «неравноправный договор» стала вопросом о конкретном острове.

Как проходит линия по Уссури? Кому принадлежит земля между главным руслом и китайским берегом? Где имеет право стоять пограничный наряд?

В шестьдесят третьем стороны ещё отвечали письмами и переговорами.

Затем начались регулярные взаимные вытеснения, драки, применение машин и бронетранспортёров без стрельбы. Каждый участник проверял, отступит ли другой.

В марте шестьдесят девятого эта система давления сорвётся.

На острове Даманском заранее подготовленные китайские подразделения откроют огонь по советским пограничникам.

Исторический счёт превратится в пятьдесят восемь советских погибших и риск войны между двумя ядерными державами.

В пятидесятом те же договоры лежали в тех же архивах и никому не мешали подписывать союз. Их достали, когда сотрудничать стало нечем. Что тогда на самом деле открывает архив: новое знание о прошлом или отсутствие общего дела в настоящем?

Седьмой материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — Даманский: кто готовил первый бой, что остановило эскалацию и почему СССР мог победить на острове, но уже не мог командовать Китаем.

Второго марта погибли тридцать два

№ в серии: 207 из 233 · № в сезоне: 8 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: II «Союзник, ставший вторым центром» · Дзен: 31.10.2027 · ЖЖ: 31.10.2027 · Заставка: s18_08.png · Теги: Историческая Россия, Даманский, Уссури, Иван Стрельников, Виталий Бубенин, Демократ Леонов, Косыгин, Чжоу Эньлай

Второго марта тысяча девятьсот шестьдесят девятого года на острове Даманском погибли тридцать два советских пограничника.

Тридцать один — в бою. Ещё один позднее умер после пребывания в китайском плену.

До этого спор измерялся нотами, картами, драками патрулей и метрами льда. Теперь он стал войной на несколько часов.

Через тринадцать дней в бой вступят армейские части, танки, артиллерия и реактивные системы. За март советская сторона потеряет пятьдесят восемь человек.

А через полгода Алексей Косыгин и Чжоу Эньлай встретятся в пекинском аэропорту и договорятся не превращать пограничный конфликт в большую войну.

Между мартовским боем и сентябрьским разговором проходит граница прежней системы. СССР ещё мог нанести Китаю огромный ущерб. Вернуть его в положение младшего союзника он уже не мог.

ОСТРОВ МЕНЬШЕ СПОРА

Советская сторона называла остров Даманским, китайская — Чжэньбао. Его площадь не достигала квадратного километра.

Сам по себе он не имел ценности, сопоставимой с риском войны двух великих держав.

Предметом была линия границы по Уссури.

Советская практика исходила из старой договорной и административной конструкции, при которой острова у китайского берега

оставались за СССР. Китай настаивал на прохождении границы по главному фарватеру; тогда Даманский оказывался на китайской стороне.

С середины шестидесятых пограничники регулярно вытесняли друг друга без оружия. В ход шли кулаки, палки, грузовики и бронетранспортёры.

Такая практика создавала опасную иллюзию управляемости: каждая новая демонстрация силы считалась ещё одним эпизодом прежней игры.

ПЕРВЫЙ БОЙ ГОТОВИЛИ

После столкновения в январе шестьдесят восьмого, закончившегося гибелью китайских участников, Центральная военная комиссия КНР поручила Шэньянскому военному округу готовить ответную операцию.

Позднее открытые китайские материалы показывают согласование плана Генеральным штабом НОАК и МИД.

Утром второго марта советский наряд обнаружил китайскую группу на острове.

Начальник заставы старший лейтенант Иван Стрельников вышел к ней, ожидая привычного вытеснения.

Китайские подразделения, заранее скрытно занявшие позиции, открыли огонь с близкой дистанции и из засады.

Официальные версии первого выстрела остаются противоположными.

Но наличие китайского предварительного планирования и развёрнутых до встречи сил позволяет говорить о китайской инициативе именно первого боя увереннее, чем это было возможно по одним советским сообщениям.

ПРИНЯЛИ БОЙ

После гибели группы Стрельникова в бой вступили соседние наряды.

Старший лейтенант Виталий Бубенин использовал бронетранспортёры для манёвра и ударов по китайским позициям. Через несколько часов противник отошёл.

Советские потери второго марта установлены поимённо — тридцать два погибших.

Надёжного сопоставимого списка китайских потерь в открытых источниках нет. Поэтому сотни и тысячи убитых нельзя выдавать за доказанную цифру.

Первый бой не решил принадлежность острова. Обе стороны подтянули силы и превратили спорный участок в потенциальный фронт.

Уверенность, что столкновения можно бесконечно держать ниже уровня стрельбы, исчезла за одно утро.

ПЯТНАДЦАТОЕ МАРТА

Во втором крупном бою участвовали части Дальневосточного военного округа. Применялись танки, ствольная артиллерия и системы залпового огня.

Погиб командир Иманского пограничного отряда полковник Демократ Леонов. Его танк был подбит и позднее вывезен китайской стороной.

Легенда, будто один залп реактивной артиллерии мгновенно и окончательно закрыл конфликт, превращает тяжёлый бой в открытку.

Напряжение сохранилось, принадлежность острова не была урегулирована, а в августе произошло новое вооружённое столкновение у Жаланашколя в Казахстане.

Со второго по двадцать второе марта советские потери составили пятьдесят восемь погибших: сорок девять пограничников и девять военнослужащих армии. Ещё девяносто четыре человека были ранены или контужены.

Это уже масштаб локальной войны, хотя официально войну не объявляли.

ДВЕ ЯДЕРНЫЕ

Китай испытал атомную бомбу в шестьдесят четвёртом, водородную — через три года.

Его потенциал уступал советскому, но конфликт происходил уже между двумя ядерными государствами.

Летом и осенью распространялись сообщения о возможном советском ударе по китайским ядерным объектам.

Без утверждённого документа нельзя объявлять существование принятого Москвой плана атомной войны. Но риск превентивного удара, китайского ответа и расширения конфликта современники воспринимали всерьёз.

Военное превосходство СССР не давало приемлемого политического финала.

Уничтожить объекты можно. Заставить огромную страну снова признать советское руководство — нельзя.

Чем выше становилась ставка, тем очевиднее был предел силового решения.

ТРИ ЧАСА В АЭРОПОРТУ

В начале сентября Косыгин находился в Ханое на похоронах Хо Ши Мина. На обратном пути возник прямой канал связи с Пекином.

Одиннадцатого сентября советский самолёт изменил маршрут, и председатель Совета министров СССР встретился с Чжоу Эньлаем в аэропорту.

Разговор продолжался несколько часов.

Стороны согласились сохранять фактическое положение, избегать новых вооружённых столкновений, развести силы на спорных участках и вернуться к переговорам.

Это не был мирный договор, восстановление союза или решение границы. Это был более насущный механизм — остановить переход от острова к большой войне.

В октябре официальные пограничные переговоры возобновились в Пекине. Советскую делегацию возглавил заместитель министра иностранных дел Василий Кузнецов.

Оружие уступило место протоколу не потому, что исчезли разногласия, а потому, что обе стороны поняли цену следующей ступени.

НИ ПОРАЖЕНИЕ, НИ РЕШЕНИЕ

После сентябрьской встречи китайские военнослужащие фактически закрепились на острове, а СССР не стал возобновлять крупный бой.

Это нельзя описывать как разгром советских сил: они сохраняли возможность эскалации и в мартовских боях нанесли противнику тяжёлый ущерб.

Но и победная реляция не решает государственную границу.

Юридически вопрос Даманского в шестьдесят девятом закрыт не был. Соглашение о восточной части границы СССР и Китай подпишут только в девяносто первом. Линия по основному фарватеру оставит остров на китайской стороне.

Переносить это позднейшее решение назад и утверждать, будто остров отдали после поражения, неверно.

Сначала стороны прекратили эскалацию. Урегулирование пришло через два десятилетия и в другой политической обстановке.

ПРЕДЕЛ ДВОРА

В Восточной Европе Москва могла ввести войска, поддержать другого местного руководителя или потребовать, чтобы национальная армия сама спасла союзный строй.

С Китаем ни один из этих механизмов не работал.

Перед СССР находился самостоятельный центр силы — со своей армией, ядерным оружием, историей и глобальной политикой.

Пятьдесят восемь погибших доказали не слабость советской армии, а истощенность прежней формы отношений.

Союз, основанный на признании Москвы старшим центром, восстановить было невозможно. Можно было только договориться с

равным по субъектности соседом о границе, безопасности и взаимном интересе.

Этим Китай отличается от европейского двора и одновременно объясняет его будущее.

Связь, не требующая политического подчинения, переживёт идеологический раскол. Иерархический союз держится, пока центр способен и готов обеспечивать крайнюю функцию.

Старший лейтенант Стрельников вышел к китайской группе без оружия наизготовку, потому что за три года такие встречи всегда кончались толкотнёй. Он исходил из правил, которых больше не было. Кто и в какой момент обязан был сказать заставе, что правила изменились?

Восьмой материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — СЭВ: почему дешёвая советская нефть была реальным трансфертом, но лозунг «мы всех кормили» всё равно искажает бухгалтерию общего контура.

Нефть внутри двора стоила половину мировой

№ в серии: 208 из 233 · № в сезоне: 9 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: III «Цена общего контура» · Дзен: 02.11.2027 · ЖЖ: 02.11.2027 · Заставка: s18_09.png · Теги: Историческая Россия, СЭВ, переводной рубль, нефть, Майкл Маррезе, Ян Ванос, Йозеф Брада, внешняя торговля

В тысяча девятьсот восьмидесятом году тонна советской нефти, поставленная восточноевропейскому союзнику, стоила приблизительно вдвое дешевле той же тонны на западном рынке.

Разница между ценами, умноженная на весь объём, приближалась к десяти миллиардам долларов за один год.

Это была реальная альтернативная стоимость для СССР. Дополнительная нефть на Западе давала твёрдую валюту, за которую покупали зерно, оборудование и технологии.

Но назвать все десять миллиардов прямым подарком так же неверно, как отрицать ценовую поддержку союзников.

СЭВ не был магазином, где Москва раздавала дешёвое сырьё иждивенцам.

Это была замкнутая производственно-торговая система: СССР поставлял топливо и материалы, получал машины, транспорт, оборудование и потребительские товары, обеспечивал рынок и одновременно покупал стратегическую глубину.

Чтобы установить цену общего двора, надо считать не один поток, а всю конструкцию.

ПЛАН, ПОТОМ ЦЕНА

С шестьдесят четвёртого года значительная часть расчётов стран СЭВ проходила в переводных рублях через Международный банк экономического сотрудничества.

Название создаёт ложную аналогию с обычной валютой.

Переводной рубль нельзя было свободно обменивать на доллар, вывести на мировой рынок или потратить на любой товар по выбору владельца.

Сначала правительства согласовывали пятилетние и годовые протоколы: сколько нефти, станков, вагонов, судов или химической продукции поставит каждая сторона.

Затем эти натуральные потоки получали расчётную цену.

Положительное сальдо само по себе не давало стране возможности купить то, чего не было в согласованном плане.

Поэтому западная рыночная цена и цена СЭВ сравнимы, но не тождественны.

Первая возникала в торговле за конвертируемую валюту. Вторая обслуживала заранее связанную кооперацию, гарантированные объёмы и политические обязательства.

БУХАРЕСТСКАЯ ФОРМУЛА

После нефтяного шока семьдесят третьего года мгновенный переход на новую мировую цену разрушил бы планы восточноевропейских импортёров.

С семьдесят пятого сырьевые цены внутри СЭВ начали рассчитывать по скользящей средней мировых цен за предыдущие пять лет.

Так называемая бухарестская формула сглаживала скачки и позволяла планировать производство.

Но её экономический эффект зависел от направления рынка.

Когда нефть быстро дорожала, внутренний уровень отставал и помогал покупателю. Когда мировая цена падала, пятилетнее среднее удерживало цену СЭВ выше текущей и работало уже в пользу экспортёра.

Формула не была односторонним вечным подарком.

Однако в семидесятые и начале восьмидесятых, во время резкого роста нефтяного рынка, она действительно переносила значительную часть потенциального дохода от СССР к союзникам.

ДЕСЯТЬ МИЛЛИАРДОВ

Управление по оценке технологий Конгресса США сопоставляло примерно сто пять долларов за тонну советской нефти для Восточной Европы с примерно двумястами тридцатью долларами западной экспортной цены.

При объёме около восьмидесяти одного миллиона тонн разница составляла порядка десяти миллиардов долларов.

Расчёт показывает масштаб льготного ценового режима.

Но чтобы назвать всю сумму чистой потерей, надо предположить, что СССР мог продать Западу весь дополнительный объём по той же цене — без падения рынка, новых транспортных затрат и политических ограничений.

Это контрфактическая модель, а не наблюдавшаяся сделка.

Нефть, поставленная в ГДР или Чехословакию, одновременно поддерживала покупателя советских машин, оружия и сырья, сохраняла промышленную кооперацию и финансировала политическую устойчивость внешнего пояса.

У этих результатов была стоимость. Но они не были нулём.

ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ

Майкл Маррезе и Ян Ванос оценили советский трансферт шести восточноевропейским странам за шестидесятые — восьмидесятые годы примерно в восемьдесят семь миллиардов долларов. Основная часть относилась к семидесятым.

Эта цифра стала основанием для тезиса о содержании «империи» за советский счёт.

Йозеф Брада и другие экономисты показали ограничение метода.

Неблагоприятное для СССР соотношение цен конкретных товаров не доказывает равного ему общего экономического убытка.

В закрытом блоке нужно оценивать всю альтернативную структуру производства и торговли: мог ли СССР заместить восточноевропейские

поставки, сколько валюты потребовалось бы на импорт, каким был рынок сбыта и как изменились бы объёмы.

Единой бесспорной суммы нет.

Но отсутствие одной окончательной цифры не отменяет направление перераспределения в период дорогой нефти.

ЧТО ШЛО НАВСТРЕЧУ

Восточная Европа поставляла в СССР станки, локомотивы, вагоны, суда, оборудование, комплектующие, лекарства, одежду и продовольствие.

Для ряда отраслей это были не случайные покупки, а согласованная специализация. Советская промышленность освобождала мощности для других задач, союзники получали гарантированный многолетний рынок.

Москва регулярно считала часть восточноевропейской продукции дорогой по отношению к качеству.

Союзник мог получать нефть ниже мировой цены и одновременно продавать СССР машину дороже её конкурентной ценности. Переводной рубль скрывал оба отклонения.

Существовали и совместные вложения.

Международный инвестиционный банк финансировал инфраструктурные проекты, включая газопровод «Союз» от Оренбургского месторождения. Государства СЭВ участвовали оборудованием, материалами и трудом, после чего получали газ.

Это уже не модель одностороннего иждивения.

ЧЕТЫРЕ ПОМОЩИ

В слове «дотация» обычно смешивают четыре разных явления.

Прямой государственный кредит. Льготную договорную цену. Упущенную возможность продать ресурс дороже. И переплату за встречный товар партнёра.

У каждого механизма своя бухгалтерия и свой политический смысл.

Помощь Польше во время кризиса, дополнительные поставки топлива или отсрочку долга можно считать по документам как прямые решения.

Разница между мировой и внутриблоковой ценой требует допущения об альтернативном рынке. Переплата за промышленный товар требует оценки его качества, которой в плановой цене нет.

Фраза «СССР всех кормил» стирает эту структуру.

Но и противоположная попытка представить обмен исключительно равноценным закрывает глаза на то, что советское сырьё часто служило финансовой опорой восточноевропейского строя.

ФОРМУЛА РАЗВЕРНУЛАСЬ

После падения мировой цены на нефть в середине восьмидесятых пятилетнее среднее начало работать в обратном направлении.

Внутренняя цена снижалась медленнее рынка, и союзники некоторое время платили выше текущего мирового уровня.

Этот разворот доказывает, что механизм создавался прежде всего для устойчивости плана, а не как постоянная скрытая дань СССР своим соседям.

Но к тому времени зависимость уже сформировалась.

Восточная Европа привыкла к гарантированным советским ресурсам, СССР — к гарантированному рынку и поставкам специализированной продукции.

Когда с первого января девяносто первого расчёты перевели на мировые цены и конвертируемую валюту, торговля не стала автоматически эффективнее.

Она обрушилась, потому что участники не имели валюты, новых договоров и рыночных цепочек, способных немедленно заменить прежний план.

СМЫСЛ ДВОРА

СССР действительно платил за общий контур. В семидесятые наиболее наглядной платой была нефть, которую можно было продать дороже.

Взамен он получал промышленную кооперацию, рынки, инфраструктуру и пояс союзных государств, отделявший советскую границу от НАТО.

Последний результат нельзя записать в переводных рублях. Но именно ради него существовала вся система.

Субсидия была не бессмысленной благотворительностью, а расходом на внешнюю безопасность и устойчивость производственного пространства.

Спорить надо о размере, эффективности и распределении этой цены, а не о самом факте стратегического обмена.

Экономика объясняет, почему двор мог существовать десятилетиями. Военный механизм показывает, почему его центр находился в Москве.

Ни один советский документ не называл эти десять миллиардов расходом на безопасность — они проходили как торговля по согласованной цене.

Расход, который нигде не записан как расход, невозможно ни защитить, ни сократить осознанно. Что было хуже для системы: сама субсидия или то, что её нигде не считали?

Девятый материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — кто реально командовал армиями Варшавского договора в мирное время, в кризисе и в большой европейской войне.

Главнокомандующий всегда был советским

№ в серии: 209 из 233 · № в сезоне: 10 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: III «Цена общего контура» · Дзен: 04.11.2027 · ЖЖ: 04.11.2027 · Заставка: s18_10.png · Теги: Историческая Россия, Варшавский договор, Иван Конев, Виктор Куликов, Ян Джебевский, Объединённое командование, национальные армии

Четырнадцатого мая тысяча девятьсот пятьдесят пятого года СССР и семь восточноевропейских государств подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Пятая статья выглядела симметрично: стороны создают Объединённое командование вооружёнными силами, выделенными по соглашению государств.

Первым главнокомандующим стал маршал Советского Союза Иван Конев.

После него должность занимали Андрей Гречко, Иван Якубовский, Виктор Куликов и Пётр Лушев.

За тридцать шесть лет вершина общей военной системы ни разу не перешла поляку, чехословаку, немцу, венгру, болгарину или румыну.

Национальные армии не исчезли. Но стратегическое командование было советским.

Именно так военная обязанность центра превращалась в право определять общий замысел войны.

РАВЕНСТВО И ВЕРШИНА

Государства сохраняли министров обороны, генеральные штабы, офицерские корпуса, мобилизацию и повседневное управление.

Национальные контингенты передавались Объединённому командованию не автоматически, а по согласованию. Польский министр не получал из Москвы приказ на каждое передвижение батальона.

Одновременно штаб Объединённых вооружённых сил находился в Москве, главнокомандующий и начальник штаба были советскими

военачальниками, а министры обороны союзных стран считались заместителями главнокомандующего.

Участие партнёров существовало. Монополия на вершину сохранялась.

Такой порядок отражал распределение силы.

СССР имел крупнейшую армию, ядерное оружие, основные соединения в Центральной Европе и ответственность за весь западный театр.

Но военная рациональность центра не отменяла вопроса союзника: где координация заканчивается и начинается передача национального суверенитета?

ВОЗРАЖЕНИЕ ДЖЕВЕЦКОГО

Секретный статут Объединённого командования, утверждённый в сентябре, конкретизировал полномочия главнокомандующего.

Он отвечал за согласование боевой подготовки, оперативных планов, дислокации выделенных сил и взаимодействие национальных штабов.

Уже в пятьдесят шестом польский генерал Ян Джевецкий возражал: полномочия советского главнокомандующего противоречат независимости участников договора.

Польские требования реформы показывают, что асимметрию видели не только аналитики НАТО. Её ощущали внутри собственного командного механизма.

Москва стремилась получить единый план и гарантированное исполнение. Национальные штабы хотели сохранить право государства решать, когда и как применяется его армия.

Весь последующий институциональный рост Варшавского договора был попыткой совместить эти две несовпадающие рациональности.

МИР И ВОЙНА

В мирное время армия оставалась национальным государственным институтом.

Польские власти сами вводили военное положение в восемьдесят первом. Куликов, несмотря на должность главнокомандующего, не мог самостоятельно приказать Польской народной армии действовать против «Солидарности».

Политбюро СССР отдельно решало, вводить ли советские войска.

В общей европейской войне конструкция менялась.

Основные армии союзников должны были входить во фронты и выполнять единый оперативный замысел.

Фронт — не дипломатический комитет, а объединение армий под одним командованием. Его задачи связывались с высшим командованием театра и советским Генеральным штабом.

Советский Генштаб не должен был командовать каждым польским полком напрямую. Национальные уровни сохранялись.

Но цель, направление удара, взаимодействие и применение основных сил определялись системой с советской стратегической вершиной.

МЕСТА, НО НЕ ВЕРШИНА

В марте шестьдесят девятого Политический консультативный комитет утвердил новый статут и создал Комитет министров обороны.

Появились Военный совет и более постоянное участие представителей национальных армий.

Институционально система стала многонациональнее.

Однако статут регулировал прежде всего мирное время и почти не раскрывал механизм высшего управления в большой войне. Самая важная стадия оставалась в советском оперативном планировании.

К концу семидесятых эту лакуну начали закрывать статутом военного времени.

Выделенные силы переходили под объединённое высшее командование и включались во фронтовые и театровые структуры, где

решающая роль принадлежала советскому командованию.

То, что десятилетиями существовало в планах, получало формальное оформление.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Румыния последовательно ограничивала участие в общей военной вертикали, не допускала советских войск на свою территорию и оспаривала проект статута военного времени.

Польский Генштаб также спорил о границе союзного управления. Национальные государства не были пустыми административными единицами.

Не каждая часть автоматически передавалась внешнему штабу. Силы для внутренних задач, мобилизационные органы и часть резервов сохраняли национальное подчинение.

Правительства могли не соглашаться с операцией: Румыния не участвовала во вторжении в Чехословакию.

Но способность спорить не делала систему равноправной.

Главкомандующий оставался советским, общее стратегическое планирование концентрировалось в Москве, а советские группировки находились на территориях нескольких участников.

Суверенитет союзника был действительным ниже уровня общего военного замысла.

ЗАЧЕМ ПРИНИМАЛИ

Варшавский договор нельзя объяснить только принуждением.

Для Восточной Европы он означал советскую ядерную и обычную защиту, стандартизацию вооружений, обучение кадров, поставки техники и включение в огромную военную систему.

В случае войны основные затраты первого удара и стратегического ответа принимал на себя СССР.

Для Москвы союз давал глубину обороны, армии партнёров, аэродромы, связь и возможность встретить вероятного противника далеко западнее собственной государственной границы.

После двух германских вторжений за одно поколение этот пояс имел не символический, а экзистенциальный смысл.

Именно поэтому советская монополия на командование была не мелким тщеславием маршалов.

СССР считал, что несёт главную ответственность и потому должен владеть главной военной функцией. Союзники принимали защиту и постоянно торговались о цене в виде ограничения собственного решения.

НИ КАРТОН, НИ ОККУПАЦИЯ

Варшавский договор имел реальные армии, планы, системы ПВО, учения, связь и промышленную кооперацию. Бумажной декорацией советской оккупации он не был.

Но его коллективные органы не отменяли структурного факта: крупнейшее государство обладало постоянной монополией на высшее командование.

Точная формула выглядит так.

Национальный флаг, национальный офицерский корпус и национальное повседневное управление — при общем плане войны, подготовленном под советским руководством.

В мирном внутреннем кризисе политическое решение оставалось за государством и высшими партийными центрами. В войне основные силы включались в единую вертикаль.

Эта двойственность объясняет и устойчивость, и конфликтность союза.

Партнёры были достаточно самостоятельны, чтобы защищать свои интересы, и недостаточно равноправны, чтобы определять стратегическую вершину.

ОБОЛОЧКА

К восемьдесят девятому году военная машина ещё существовала.

Советские войска стояли в ГДР, Польше, Чехословакии и Венгрии. Главнокомандующий сохранял аппарат, планы и соединения. Технической невозможности применить силу не было.

Но военный механизм никогда не создавал политического решения сам.

В Берлине, Будапеште и Праге приказ приходил сверху. В Польше восемьдесят первого Политбюро отказалось от интервенции.

Через восемь лет руководство СССР откажется уже от самой обязанности спасать союзные режимы.

С этого момента советская вершина командования станет оболочкой без прежней политической функции.

Пять маршалов за тридцать шесть лет распоряжались общим планом войны — и ни один из них не решал, будет ли война. Что тогда означала эта должность: реальную власть над коалицией или обязанность быть готовым к приказу, который придёт из другого кабинета?

Десятый материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — восемьдесят девятый год: как Москва последовательно отказалась применять существующую военную силу и почему свобода выбора союзников ещё не была стратегией безопасности СССР.

Седьмого июля записали: не вмешиваться

№ в серии: 210 из 233 · № в сезоне: 11 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: IV «Демонтаж»
· Дзен: 06.11.2027 · ЖЖ: 06.11.2027 · Заставка: s18_11.png · Теги: Историческая Россия, 1989 год, Горбачёв, Тадеуш Мазовецкий, Гюнтер Шабовский, Вацлав Гавел, Варшавский договор

Седьмого июля тысяча девятьсот восемьдесят девятого года в Бухаресте открылось заседание Политического консультативного комитета Варшавского договора.

На следующий день участники записали в итоговой декларации национальную независимость, суверенитет, право каждого народа свободно выбирать путь развития, невмешательство и отказ от применения силы или угрозы силой.

Через четыре месяца откроется Берлинская стена. Советская армия ещё будет стоять в ГДР, но не получит приказа вернуть прежний порядок.

Обычно это описывают как освобождение Восточной Европы или как предательство союзников. Оба определения называют нравственную оценку раньше механики.

Документ устанавливает более точный факт: советское руководство сняло с себя крайнюю силовую функцию, на которой держался политический внешний контур.

Новой равной по силе системы безопасности на её месте ещё не существовало.

ПРАВИЛО ДО СТЕНЫ

Шестого июля Горбачёв выступил в Страсбурге и заявил, что общественный строй страны может меняться по выбору её народа, а вмешательство союзника недопустимо.

В Бухаресте эта линия стала общей декларацией государств Варшавского договора.

Сам договор не распускали.

Объединённое командование действовало, советские группировки находились в ГДР, Польше, Чехословакии и Венгрии. После декабрьского выступления Горбачёва в ООН началось сокращение части сил, но армия сохраняла возможность локальной операции.

Поэтому отказ от вмешательства нельзя объяснить исчезновением инструмента.

Инструмент был. Политический центр заранее объявил, что не станет использовать его для сохранения общественного строя союзника.

Отрицательное решение предшествовало большинству революций года.

ПОЛЬША: СМЕНИЛАСЬ ВЛАСТЬ

Четвёртого июня «Солидарность» выиграла почти все места, за которые могла бороться на частично свободных выборах.

Москва не потребовала отменить результат. В августе Тадеуш Мазовецкий получил возможность сформировать правительство вне коммунистической монополии.

Восемью годами раньше Кремль требовал, чтобы польская партия и армия сами подавили угрозу.

Теперь он принимал переход правительственной функции к политическому противнику ПОРП при сохранении государства и его формального участия в союзе.

Николае Чаушеску призывал социалистические страны к совместным действиям, способным остановить польский процесс. Москва отказалась.

Право невмешательства, которое Бухарест десятилетиями защищал против советского центра, теперь обернулось против попытки самого Чаушеску восстановить коллективную дисциплину.

ВЕНГРИЯ БЕЗ «ВИХРЯ»

Весной Венгрия начала демонтировать заграждения на границе с Австрией.

Шестнадцатого июня торжественно перезахоронили Имре Надя — руководителя, казнённого после подавления восстания.

Двадцать третьего октября была провозглашена Венгерская Республика, прежняя партия отказалась от старой формы.

Советские дивизии находились в стране, но не двинулись на Будапешт.

В пятьдесят шестом вопрос о выходе Венгрии из советской системы стал основанием операции «Вихрь». В восемьдесят девятом демонтаж политического строя приняли без интервенции.

Это уже не польская модель восемьдесят первого года, где внутренний аппарат выполняет прежнюю общую задачу.

Центр больше не требовал сохранять партийную монополию силой.

ГДР: ПРОВЕРКА

В ГДР находилась крупнейшая советская группировка в Восточной Европе.

Государство занимало центральное место в результатах Великой Отечественной войны и европейском военном балансе.

Если старая функция могла вернуться где-либо, то прежде всего здесь.

Седьмого октября Горбачёв приехал на сорокалетие республики и убеждал Политбюро СЕПГ отвечать на требования общества. Вскоре Эрих Хонеккер потерял власть.

Протесты продолжались, но советская армия не вышла из казарм для спасения руководства.

Девятого ноября неясное заявление Гюнтера Шабовского о правилах выезда вызвало поток людей к пограничным переходам. Стена открылась.

Политбюро ЦК КПСС не формировало силового ответа.

В пятьдесят третьем кризис в Восточном Берлине привёл к передаче власти советскому командованию. Теперь рушился символ всей послевоенной конструкции, а последняя сила сознательно оставалась неиспользованной.

ПРАГА И БУХАРЕСТ

Семнадцатого ноября разгон студенческой демонстрации в Праге вызвал массовый протест. Через неделю руководство Компартии Чехословакии ушло в отставку.

Десятого декабря появилось правительство с некоммунистическим большинством, двадцать девятого декабря президентом стал Вацлав Гавел.

Советские части всё ещё стояли в Чехословакии как наследие интервенции шестьдесят восьмого года. Но август не повторился.

Страна, ради сохранения прежнего строя которой двадцать один год назад применили коалиционную армию, сменила этот строй без советского вмешательства.

Румыния разрушает картину полностью мирного года.

В декабре восстание закончилось бегством, коротким процессом и расстрелом Николае и Елены Чаушеску. СССР не вмешался и там.

Различие политических симпатий Горбачёва к лидерам ничего не объясняет: одна линия применялась последовательно к пяти государствам.

ЭТО БЫЛ ВЫБОР

Советская экономика испытывала тяжёлое напряжение, война в Афганистане завершалась, отношения с США и Западной Европой становились важнейшим ресурсом перестройки.

Новая внешнеполитическая концепция связывала безопасность с разоружением, взаимозависимостью и «общим европейским домом».

Все эти обстоятельства объясняют мотив, но не отменяют субъект решения.

Кризисы происходили не одновременно: Польша, Венгрия, ГДР, Чехословакия, Румыния. У Москвы были отдельные точки выбора и существующие войска.

Она снова и снова не применяла силу.

Сказать «СССР уже ничего не мог» — значит снять ответственность и одновременно не заметить масштаб перемены.

Государство ещё обладало армией и союзом. Его руководство решило, что политический строй соседей больше не должен обеспечиваться советскими танками.

СВОБОДА БЕЗ СТРАТЕГИИ

Отказ от интервенций был обоснованным нравственным и политическим принципом.

Но государственная стратегия обязана ответить на следующий вопрос: какая система заменит прежний пояс безопасности, общую экономику и военное командование?

Летом восемьдесят девятого Москва рассчитывала не распустить Варшавский договор, а преобразовать его.

Союзники должны были получить внутреннюю свободу, военные блоки — сблизиться, а общеевропейские институты и договоры о разоружении — создать новый порядок.

Этот проект существовал, но не был закреплён как обязательный эквивалент советских уступок.

Невмешательство снимало власть Москвы над союзником немедленно. Новая архитектура требовала долгих переговоров и согласия противостоящей коалиции.

Между двумя процессами возник стратегический разрыв.

ЧЕГО НЕ ОБЕСПЕЧИЛИ

Восемьдесят девятый год не сопровождался договором об одновременном роспуске НАТО и Варшавского договора, нейтральном статусе Восточной Европы или запрете будущего включения бывших союзников СССР в западную военную систему.

Не существовало и готового экономического механизма, способного заменить СЭВ без обвала торговли.

Это не означает, что все позднейшие решения Запада уже были приняты или что Восточная Европа обязана была навсегда остаться советской зоной.

Это означает другое: Москва отказалась от действующего инструмента раньше, чем создала юридически обязательную замену его стратегической функции.

Право народов выбирать строй не требовало от СССР отказываться от переговоров о собственных гарантиях.

Смешение этих двух вопросов превратило нравственный отказ от силы в одностороннее сокращение государственного ресурса.

ЦЕПОЧКА

Берлин — власть принимает советское командование.

Венгрия — центр выбирает между переговорами и интервенцией.

Прага — вмешательство получает доктрину.

Польша восемьдесят первого — силовая функция остаётся национальному аппарату.

Восемьдесят девятый — Москва признаёт право изменить уже сам политический строй.

Это не стихийное исчезновение двора. Это последовательное сужение, а затем снятие обязанности центра обеспечивать его существование.

Государства Восточной Европы получили возможность уйти. СССР получил снижение риска войны с их обществами и шанс на новую систему отношений — но пока только шанс.

Тридцать шесть лет назад в Берлине советское командование приняло власть за несколько часов, потому что немецкое правительство её не удержало.

В том же Берлине в ноябре восемьдесят девятого удерживать было некому и незачем. Что изменилось за эти годы — соотношение сил или представление Москвы о том, за что вообще стоит платить?

Одиннадцатый материал сезона «Общий двор», всего 12.

В следующий раз — что СССР получил при роспуске СЭВ и Варшавского договора и почему отношения с Китаем пережили конец советской системы.

Китай нормализовали. Двор распустили

№ в серии: 211 из 233 · № в сезоне: 12 из 12 · Сезон: 18 «Общий двор» · Часть: IV «Демонтаж»
· Дзен: 08.11.2027 · ЖЖ: 08.11.2027 · Заставка: s18_12.png · Теги: Историческая Россия, СЭВ, Варшавский договор, Дэн Сяопин, Горбачёв, 1989 год, 1991 год, Иван Фадейкин

Шестнадцатого мая тысяча девятьсот восемьдесят девятого года Дэн Сяопин встретился в Пекине с Михаилом Горбачёвым.

Перед журналистами Дэн предложил зафиксировать главное: советско-китайские отношения нормализованы. Горбачёв согласился.

Два государства, стрелявшие друг в друга на Уссури двадцатью годами раньше, не создавали нового общего штаба, не восстанавливали идеологическую дисциплину и не признавали старшего.

Они возвращались к нормальным отношениям самостоятельных центров силы.

Через два года СЭВ и Варшавский договор будут ликвидированы.

Европейский контур, имевший общие цены, армии и советского главнокомандующего, исчезнет. Китайская связь, в которой у Москвы не осталось права командовать, сохранится.

Это не парадокс, а итог двух разных архитектур.

НЕ ВО ДВОР

Между встречами высшего уровня лежали тридцать лет: открытая полемика, отзыв специалистов, разрыв партийных связей, Даманский и военное противостояние вдоль огромной границы.

К восьмидесятым экономические и политические контакты постепенно восстанавливались, но Пекин ставил три конкретных препятствия полной нормализации.

СССР должен был уйти из Афганистана, сократить военное давление на китайской границе и в Монголии, а также содействовать прекращению вьетнамского присутствия в Камбодже.

Китай требовал не покаяния за «ревизионизм», а изменения среды собственной безопасности.

При Горбачёве Москва двигалась по всем трём направлениям. Этого оказалось достаточно для саммита.

Новый тип связи опирался на согласованные государственные интересы. Пекин не возвращался в положение пятидесятого года, Москва не получала над ним политической или военной функции.

ПОЧЕМУ ПРОЧНЕЕ

В пятидесятом союз сопровождался кредитом, специалистами и глубокой промышленной связью, но содержал скрытый спор о старшинстве.

В восемьдесят девятом стороны сознательно уменьшили обязательства. Не было общей идеологии, союзного договора против третьей державы или единого командования.

Остались граница, торговля, предотвращение войны и взаимный интерес.

Такая связь была уже, но устойчивее к смене руководителей и внутреннего строя. От партнёра не требовалось признавать власть другого условием отношений.

Китайский результат показывает: отказ от иерархии сам по себе не означает геополитического поражения.

Поражение начинается, когда старая функция снята, а новая система интересов, обязательств и гарантий не создана.

ВЕРТИКАЛЬ ЗАКРЫЛИ ПЕРВОЙ

Двадцать пятого февраля девяносто первого представители шести государств в Будапеште подписали протокол о прекращении деятельности военных органов Варшавского договора.

Объединённое командование, Военный совет и Комитет министров обороны должны были завершить работу к тридцать первому марта.

В этот день главнокомандующий перестал командовать, штаб потерял функцию, общие планы войны прекратили существование.

Политический договор прожил ещё три месяца, но его материальная сердцевина уже была удалена.

Первого июля в Праге СССР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария подписали протокол о полном прекращении Варшавского договора.

Решение было межгосударственным. Новые правительства Восточной Европы сами не хотели прежнего советского руководства.

Но Советский Союз не был сторонним свидетелем: он согласился снять созданную им систему и не поставил роспуск в зависимость от ликвидации противоположного блока.

КОНЕЦ РАСЧЁТОВ

С первого января девяносто первого торговлю бывших партнёров перевели на мировые цены и конвертируемую валюту.

Переводной рубль утратил практическую функцию ещё до юридического конца СЭВ.

Двадцать восьмого июня в Будапеште прошла сорок шестая и последняя сессия Совета экономической взаимопомощи. Девять участников подписали протокол о прекращении организации.

На урегулирование имущества, счетов, архивов и обязательств отводилось девяносто дней.

Старая система имела множество дефектов: негибкие планы, спорные цены, защищённость некачественной продукции и зависимость от советского сырья.

Но её одномоментное отключение не создало рынок.

Оно разорвало расчёты и производственные цепочки быстрее, чем предприятия нашли новые заказы и валюту.

Политическую оболочку можно ликвидировать за четверть часа. Промышленную специализацию десятилетий — нельзя.

ЧТО ВСЁ-ТАКИ ПОЛУЧИЛИ

Неверно утверждать, будто советское руководство отдало всё, не подписав ни одного встречного обязательства.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии закрепил её границы, отказ от производства и владения оружием массового уничтожения, ограничение численности вооружённых сил и особый режим размещения иностранных сил и ядерного оружия на территории бывшей ГДР.

Германия финансировала значительную часть вывода советских войск.

Договор об обычных вооружённых силах в Европе сокращал военные потенциалы обеих коалиций. Парижская хартия предлагала общеевропейский политический каркас.

Холодная война действительно завершилась не капитуляционным актом, а серией соглашений.

Но ни один из этих документов не создавал для СССР стратегического эквивалента Варшавского договора.

НАТО сохранялось, объединённая Германия входила в него, а юридически обязательного запрета на будущее расширение альянса в другие страны Восточной Европы не существовало.

Общеевропейские институты были слабее действующего западного военного блока.

НЕСИММЕТРИЯ

Варшавский договор возник как ответ на вступление ФРГ в НАТО и включение западногерманского потенциала в западную коалицию.

В девяносто первом советский блок прекратил существование, а НАТО не только сохранилось, но и получило объединённую Германию.

Это не доказывает, что расширение НАТО на Восток уже было окончательно решено в момент пражского протокола.

Доказывается другое: советское руководство не закрепило договором такую конфигурацию, которая исключала бы этот исход или

уравновешивала его новой общеевропейской системой.

В экономике произошло то же.

СЭВ распустили, но согласованного рынка, платёжного союза или переходного механизма, сохраняющего жизнеспособную кооперацию, не создали.

Старый контур демонтировался быстрее, чем строился новый.

ПРЕДЕЛ ОПРАВДАНИЯ

Горбачёв не мог единолично приказать Польше, Венгрии или Чехословакии остаться в союзах, которые их правительства отвергали.

Попытка удержать Восточную Европу большой войной была бы преступной и, вероятно, разрушительной для самого СССР.

Но выбор не сводился к двум вариантам — танки или безусловный уход.

Между ними существовали переговоры о нейтральном статусе, синхронном преобразовании блоков, переходном экономическом режиме, долгосрочном размещении сил, гарантиях границ и институциональном усилении общеевропейской безопасности.

Ответственность советского руководства лежит не в отказе стрелять по союзникам.

Она лежит в том, что отказ от силы не был превращён в жёстко обеспеченный обмен: политическая свобода Восточной Европы — при договорной защите безопасности СССР и сохранении выгодной взаимной кооперации.

Возможности такого результата не были безграничны. Но они не были ни исчерпаны, ни оформлены до демонтажа.

ПЯТЕРО

Через весь сезон проходит одна функция: человек, через которого центр решает, применять ли крайнюю силу.

Полковник Фадейкин в июне пятьдесят третьего передаёт телефонограмму — и власть в Берлине переходит советскому командованию.

Владимир Малин в октябре пятьдесят шестого записывает два противоположных решения одного органа за десять дней.

Сергей Ковалёв в сентябре шестьдесят восьмого пишет в «Правде» правило для операции, которая уже проведена.

Юрий Андропов в декабре восемьдесят первого говорит: войска не введём — и силу применяет польская милиция на шахте «Вуек».

Горбачёв в июле восемьдесят девятого подписывает декларацию, снимающую саму обязанность вмешиваться.

Ни один из пятерых не изобретал систему. Каждый исполнял очередное состояние одной и той же конструкции — и по ним видно, как она сужалась.

ЧТО ПОКАЗАЛ ДВОР

Советский внешний контур не был ни семьёй равных, ни простым лагерем оккупированных стран. Это была асимметричная система безопасности и производства.

СССР давал крайнюю военную гарантию, ядерное прикрытие, сырьё, рынок, кредиты и технологию.

Союзники давали стратегическую глубину, национальные армии, аэродромы, промышленную специализацию и политическую поддержку.

Они сохраняли государственность и пространство решений. Общая стратегическая вершина находилась в Москве.

Система работала, пока стороны признавали обмен приемлемым, а центр был готов исполнять свою функцию.

Она слабела, когда принуждение заменяло согласованную процедуру, субсидии скрывались в непрозрачных ценах, а национальная самостоятельность воспринималась как нелояльность.

Она исчезла, когда центр снял гарантию, а встречное обязательство партнёров больше не существовало.

Китай вышел из советской иерархии через раскол и кровь — и отношения восстановились после того, как Москва признала его отдельным центром. Такая связь пережила Советский Союз.

Восточная Европа вышла из общего двора без советской войны. Это было историческим достижением. Но военный и экономический контур ликвидировали без равноценной институциональной замены.

Союз, удерживаемый только крайней силой, неустойчив. Государство, отказавшееся от силы без договора о собственной безопасности, не становится нравственнее за счёт будущих поколений.

В пятьдесят третьем нескольких строк телефонограммы хватило, чтобы правительство целой страны перестало быть высшей инстанцией.

В девяносто первом одного протокола хватило, чтобы прекратила существование армия шести государств. Обе бумаги подписали быстро. Почему на строительство того, что должно было прийти на смену, времени не нашлось ни разу?

Двенадцатый и заключительный материал сезона «Общий двор», всего 12.

СЕЗОН 19 · «ВЕРА»

Материалов в сезоне: 10 · **Сквозные № :** 212–221 · **Дзен и ЖЖ (параллельно):** 10.11.2027 — 28.11.2027, через день · **Анонс сезона:** 09.11.2027 · *текст анонса не написан*

Структура: I «Лишить Церковь оболочки» · II «Цена сохранённого центра» · III «Возвращение в государство» · IV «Возвращение в историю»

Редакция: после финальной сверки.